

Кан Уэда

**Преступность и
криминология в современной
Японии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
К19

Кан Уэда
К19 Преступность и криминология в современной Японии / Кан Уэда – М.: Книга по Требованию, 2012. – 254 с.

ISBN 978-5-458-25379-6

В книге дается анализ развития японской криминологии, современного состояния преступности в Японии, раскрываются причины преступности, рассказываются о мерах по её предупреждению.

ISBN 978-5-458-25379-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ку исходного материала. Он предполагает и «темную цифру» (латентность), и сознательное искажение данных, и технические ошибки. В то же время, по мнению Уэды, в принципе на эту статистику, особенно на полицейскую, вполне можно положиться.

Автор знакомит нас с основами уголовной статистики Японии, ядро которой составляет учет так называемых «преступлений по УК». В целях выявления более точной картины преступности «преступления по УК» отделяются от автотранспортных преступлений (имеется в виду причинение смерти или телесного повреждения в результате дорожно-транспортного происшествия).

Преступность в Японии, как пишет Уэда, действительно находится на уровне, который значительно ниже, чем в других индустриально развитых капиталистических странах. В общей массе преступности значительное место занимают причинение смерти и телесных повреждений в связи с дорожно-транспортными происшествиями, а также кражи. Однако в преступности, отмечается в книге, происходят и неблагоприятные качественные изменения. Увеличивается удельный вес преступлений, совершаемых женщинами и несовершеннолетними. Получили распространение «новые формы преступлений». Это — разбойные нападения на финансовые учреждения, злоупотребления наркотиками, убийства и поджоги ради получения страховых выплат, компьютерные преступления (особенно махинации с использованием чековых карточек, предназначенных для расчетов с помощью банковских систем ЭВМ), «чудовищные» преступления (безмотивные убийства и нанесение телесных повреждений случайным лицам). Далеко не радующим оказывается происходящее в стране сокращение числа организованных групп преступников и количества их участников. Выявляется процесс концентрации силы у сравнительно небольшого круга групп, претендующих на монопольную власть в мире организованной преступности. В этом мире все большие масштабы приобретает переход от «традиционных» преступлений к различным видам прибыльного бизнеса, осуществляемого противоправными способами. Организация преступных групп, методы совершения преступлений, субкультура организованной преступности — все это переживает своеобразную «модернизацию».

По мнению автора, для преступности в Японии, взятой в целом, характерны следующие тенденции: во-первых, «биполяризация», т. е. малозначительные преступления

растут численно, а тяжкие — становятся все более жестокими и изощренными; во-вторых, вычленяется немногочисленный контингент рецидивистов, на долю которых падает возрастающий процент преступлений.

Воздерживаясь от прямых и категоричных прогнозов, Уэда как бы задает себе вопрос: что же будет дальше с преступностью в Японии? Во всяком случае, перспективы в этой области оцениваются им без оптимизма. Автор высказывает опасение, как бы с течением времени преступность в Японии не приобрела такие же количественные и качественные параметры, что и аналогичное явление в других индустриально развитых капиталистических странах. Такая возможность проистекает прежде всего из продолжающейся «вестернизации» (главным образом по американскому образцу) различных сторон социальной жизни японского общества.

Данные о преступности в Японии приведены в книге по 1983 г. включительно. Однако у нас есть возможность дополнить их цифрами за 1985—1986 гг.*

За этот период сохранилась типичная для структуры преступности в этой стране ситуация. В общей массе преступлений, предусмотренных УК, велик удельный вес автотранспортных преступлений. В 1985 г. этот удельный вес составил 24,2%. Что же касается преступлений, предусмотренных УК, исключая автотранспортные, то в подавляющем большинстве случаев это кражи (85,9% в 1985 г.). Наряду с сохранением такой относительно благополучной картины существуют симптомы, которые не дают оснований для спокойствия и, напротив, вызывают определенную тревогу.

Так, до 1985 г. продолжался численный рост преступлений, предусмотренных УК, исключая автотранспортные. В 1986 г. количество этих преступлений по сравнению с 1985 г. несколько сократилось (с 1608 тыс. до 1581 тыс.). Также снизился коэффициент преступности (число преступлений на 100 тыс. чел.) — с 1328 до 1299. Однако и количество преступлений, и коэффициент преступности по-прежнему были выше, чем в 1983 г. Остается неблагоприятной и даже ухудшается структура самой преступности. Так, в 1986 г. было зафиксировано 222 случая

* См.: «Белая книга о преступности» за 1986 г. Департамент публикаций министерства финансов. Токио, 1986; White Paper on Police, 1987 (Excerpt), Tokyo, Police Association, 1987.

вымогательства денег у компаний, производящих пищевые продукты, что в два с лишним раза больше, чем в 1985 г. Число компьютерных преступлений, связанных с использованием расчетных карточек, в 1986 г. составило 886. Эта цифра несколько меньше, чем в 1985 г. (929), но значительно больше, чем в 1983 г. (692). Динамика иных компьютерных преступлений выглядит так: 1983 г.— 6, 1985 г.— 10, 1986 г.— 17. Если количество преступлений, связанных с использованием кредитных карточек, в 1985 г. составило 15 757, то в 1986 г. наблюдался заметный спад — 10 108. Однако до отметки 1983 г. (8054) еще далеко. Продолжается количественный рост разбойных нападений на супермаркеты, работающие в ночное время: 1985 г.— 31, 1986 г.— 65. В 1986 г. было зарегистрировано 11 случаев похищения людей с целью получения выкупа, что в 2,75 раза больше, чем в 1985 г. Продолжает расти число убийств с целью получения страховых выплат, поджогов с той же целью. Так, в 1986 г. подобных убийств было 7, поджогов — 30. Это несколько меньше, чем в 1985 г. (6 и 33), но больше, чем в 1983 г. (5 и 24).

В 1983—1985 гг. несколько снизился коэффициент преступности несовершеннолетних. Их доля в общем числе лиц, задержанных в 1985 г. в связи с совершением преступлений, предусмотренных УК, исключая автотранспортные, составила 51,2%*. При определенном сокращении количества актов насилия в школах, совершенных несовершеннолетними, увеличилось число тяжких преступлений, совершаемых ими за пределами школ. В структуре преступности несовершеннолетних удельный вес краж (76,5% в 1985 г.) меньше, чем этот показатель у взрослых преступников. Однако большое место занимают присвоения (9,1%), нанесение телесных повреждений (4,3%), насильственные действия (2,4%).

Большую ценность представляет исторический очерк эволюции криминологии в Японии начиная приблизительно с 80-х гг. XIX в. Здесь читатель впервые знакомится, в частности, с именами ученых, оставивших наиболее заметный след в истории японской криминологической нау-

* Имеются в виду несовершеннолетние преступники (с 14 до 20 лет, т. е. с наступления уголовной ответственности и до совершеннолетия) и «несовершеннолетние, нарушающие законы» (лица в возрасте 10—13 лет, совершившие деяния, предусмотренные уголовным законом).

ки. Уже в 1909 г. вышла в свет работа И. Амакасу, в которой проблемы преступности трактовались с классовых позиций. В 20—30-е гг. начались криминологические исследования на марксистской основе. Еще в довоенный период в Японии издавались труды советских ученых по проблемам криминологии. По мере усиления в стране военно-монархистского режима работа криминологов-демократов была сведена на нет. Однако после краха японского милитаризма во второй мировой войне криминология получила невиданное развитие.

Судя по тому, что пишет Уэда, в Японии в настоящее время существует самобытная криминология и свои криминологические школы. Естественно, что становление криминологии как науки начиналось с заимствований, и на всем пути ее развития она постоянно «подпитывалась» извне. Однако в криминологии происходило то же, что и в праве, и в ряде других областей жизни и деятельности японского общества. Рецепция проходила через отбор и адаптацию. Заимствованное пропитывалось «японскими соками», приспособлялось к специфически японским потребностям и в конечном счете трансформировалось в нечто отличное от исходного продукта. Привилась теория «клеимения»; «новая криминология», можно сказать, прошла стороной; биологические методы привлекли внимание, но затем ими перестали интересоваться и т. д. Но японским криминологам надлежит еще много поработать над тем, чтобы придать «зданию» своей науки желаемую стройность и завершенность. Именно так, видимо, следует понимать призывы некоторых японских ученых к созданию национальной криминологической теории. Эти призывы могут рассматриваться как реакция на сохраняющееся среди определенной части японских криминологов сильное тяготение к концепциям американской и западноевропейской криминологий. Уэда отрицательно относится к этому тяготению. Он указывает на ограниченные возможности применения «импортных» теорий на японском материале, на неприятие японскими криминологами западных идей приоритета рациональности перед законностью.

Касаясь системы криминологии и рассматривая различное понимание этой проблемы отдельными специалистами, Уэда склоняется к тому, что криминология представляет собой синтез науки о преступности и науки о борьбе с преступностью. Поэтому, как нам представляется, необходимо прокомментировать взгляд автора на соотношение

между криминологией и наукой уголовной политики.

Во-первых, Уэда пишет, что в довоенный период в научных кругах Японии появился термин «кэйдзигаку» (уголовные науки), обозначающий совокупность криминологии и науки уголовного права. В данном случае говорится о «кэйдзигаку» в широком смысле.

Во-вторых, он показывает, что в настоящее время в рассматриваемой области используются три термина: «кэйдзи сэйсаку гаку» — «наука уголовной политики» (этот термин применяется в широком и узком смысле, обозначая соответственно разные понятия); «кэйдзигаку» и «хандзайгаку» (оба понятия соответствуют термину «криминология», но употребляются различно). При этом нынешний термин «кэйдзигаку» не соответствует довоенному понятию.

В-третьих, было время, когда изучение причин преступности и изучение мер борьбы с преступностью фактически не соприкасались между собой. Поэтому их объединение под общим названием «кэйдзи сэйсаку гаку» («наука уголовной политики» в широком смысле) или «кэйдзигаку» («криминология» в узком смысле) носило формальный характер.

В-четвертых, автор примыкает к тем, кто объединяет изучение причин преступности и изучение мер борьбы с преступностью в рамки одной науки — «науки уголовной политики» (в широком смысле). Порой эту науку называют «кэйдзигаку». Однако с этим не согласны многие криминологи. Ряд ученых, в том числе и Уэда, называют науку уголовной политики — «хандзайгаку». В настоящей книге «криминология» соответствует «хандзайгаку».

В-пятых, в рамках единой науки теория причин преступности называется «криминологией» — «хандзайгаку» (в узком смысле). Что же касается теории мер борьбы с преступностью, то она называется «наукой уголовной политики» — «кэйдзи сэйсаку гаку» (в узком смысле)*.

Следует заметить, что в контексте соотношения между криминологией и наукой уголовного права автор обоснованно отстаивает право криминологии на статус самостоятельной научной дисциплины. Чувствуется, что среди японских ученых не все готовы предоставить криминологии этот статус.

* См. также: Основы современной науки уголовного права (Гэндай кэйхогаку гэнрон). Токио, 1985, с. 93—94.

Как видно из книги, Уэда явно предпочитает двучленную систему криминологии (наука о преступности и наука о борьбе с преступностью). Но он не исключает возможность существования и трехчленной системы, т. е. науки о преступности, науки об эффективности мер борьбы с преступностью и науки о совершенствовании мер борьбы с преступностью.

На примере двух монографий, написанных японскими криминологами, Уэда показывает попытки найти оптимальную внутреннюю структуру криминологии на стыке нескольких наук. При всей оправданности междисциплинарного подхода эти попытки не дали желаемого результата. Предлагаемые варианты по своей сути эклектичны.

В позиции Уэды как ученого-криминолога центральное место занимает отношение к преступности как к социальному явлению. Поэтому он на первый план выдвигает социальные факторы преступности и акцентирует внимание на социологические методы ее изучения. В социальном плане Уэда под преступлением подразумевает антиобщественное деяние, совершаемое лицом с определенными свойствами в определенной среде. При этом он учитывает как внешние условия, в которых формируется и существует индивид, так и конкретные условия на момент совершения им преступного деяния. В юридическом плане он характеризует преступление как виновное и противоправное деяние, подпадающее под признаки того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Относясь с заметной симпатией к теории «клеймения», Уэда использует ее для объяснения социального механизма превращения индивида в преступника. Практически все явления, относящиеся к уровню, состоянию, динамике, структуре преступности, толкуются им с точки зрения социологии. Не какие-то «преступные свойства», — подчеркивает автор, — а социально значимое деяние влечет уголовную ответственность.

Решительно выступая против биологизаторства в объяснении преступности, напоминая об опасности возрождения ломброзианства, Уэда в то же время ратует за диалектическое понимание взаимодействия между личностью и средой. Он признает необходимость исследования нарушений психики в контексте выяснения причин преступности. Автор считает, что при изучении личности преступника необходимо применять знания биологии и психиатрии. Однако же он подчеркивает, что применять эти зна-

ния нужно только в ограниченных случаях, а именно, в отношении рецидивистов, несовершеннолетних преступников и лиц, совершивших некоторые виды преступлений. Видимо, такая научная позиция преобладает сегодня среди японских криминологов. Во всяком случае, рассуждения о «преступных свойствах, носящих генетический характер», ушли в прошлое. Кроме того, не получили развития и исследования в области хромосомных нарушений.

Много внимания уделено в книге криминогенным факторам. Это — научно-технический прогресс «по-капиталистически», урбанизация в условиях буржуазного общества, «новая форма бедности», паутина «доступных» ссудных контор, в которую очертя голову кидаются люди, потребительские инстинкты которых умело разжигает бизнес, падение нравов, не в последнюю очередь связанное с негативным воздействием худших образцов западной псевдокультуры. Как нам представляется, противопоставляя «преступный» город «законопослушной» деревне, Уэда недостаточно развивает свой тезис об исчезновении «идиллического» покоя и стабильности в сельской местности, о разрушении и там традиционной солидарности локального общества. Создается такое впечатление, что у автора возникает «ностальгия» по здоровой деревенской жизни, существовавшей в отдаленном прошлом.

Будучи объективным исследователем, Уэда стремится к выверенным оценкам, избегая ложнопропагандистского стиля, крикливости и перегибов. Это видно, в частности, из его критической оценки деятельности средств массовой информации. Он отмечает, что пресса, телевидение, кино оказывают определенное влияние на преступность, и указывает на недостаточность проводимых в этой сфере криминологических исследований. Однако автор подчеркивает, что основной негативный результат состоит в ухудшении нравственной атмосферы, подрыве ценностных ориентаций, ослаблении духа законопослушания.

Уэда изображает факторы преступности в динамике и в их развитии. Это видно, например, когда он описывает взаимоотношения внутри японской семьи. По мнению автора, вследствие нуклеаризации семьи происходит ослабление и разрушение традиционных взаимоотношений, которые сложились еще в период феодализма. Существующий с испокон веков тесный внутрисемейный контроль перестает в современных условиях играть роль скрепляющего звена. Вдобавок ко всему на несовершеннолетних чле-

нов семьи давит страшный пресс «экзаменационной конкуренции». И вот из столь зарекомендовавшей себя ячейки социального контроля вырастает делинквентность, вплоть до тяжелых форм преступлений.

Можно было бы продолжить перечень факторов преступности в современной Японии, которые называет и анализирует Уэда. Их, по мнению автора, выделено японскими криминологами предостаточно. Более того, многие ученые, придерживаясь теории «многофакторности», предпочитают остановиться на этом и не помышляют о дальнейшем исследовании их конгломерата. В противоположность им Уэда выдвигает задачу большой значимости и не меньшей сложности. Во-первых, он исходит из посылки, согласно которой одни из многочисленных факторов воздействуют на другие и лишь последние — непосредственно на преступность, и предлагает разместить факторы преступности на двух уровнях. Во-вторых, он считает, что необходимо теоретически построить механизм взаимодействия всех факторов, ибо преступность детерминируется именно таким многомерным, сложным, динамичным образованием.

Проблема факторного механизма преступности дает автору повод для критической оценки состояния криминологии в Японии. Заторможенность на стадии «многофакторности» объясняется отчасти тем, что среди криминологов встречаются даже такие, которые не верят в познаваемость причин преступности. Уэда считает, что в целом теория и методология японской криминологии находятся на невысоком уровне. Кроме того, он говорит о ее бессистемности, отсутствии макросоциального подхода, необходимого для выявления корней преступности в общественном механизме.

Можно, пожалуй, сказать, что основные направления криминологических исследований соответствуют требующим наибольшего внимания явлениям преступности. Как видно из книги, японские криминологи много времени уделяют изучению личности преступника, занимаются проблемой преступности среди женщин и несовершеннолетних, интересуются структурой организованных преступных групп, взаимосвязью психической ущербности и преступления. Исходя из результатов этих исследований можно сделать определенный вывод. Социальная природа преступности еще раз подтверждается тем, что преступный контингент в значительной степени пополняется выходцами из беднейших слоев населения. Эти лица отличаются

низким уровнем образования. Они чаще заняты неквалифицированным трудом. Именно из этой среды выходят будущие делинквенты и участники организованных преступных групп. Но вот что примечательно. По мере превращения преступления в рутинное явление, в повседневный, мало примечательный факт преступность постепенно проникает в более обеспеченные и респектабельные страты. Растет число преступников из «среднего класса». Несовершеннолетние делинквенты — это уже выходцы из материально обеспеченных семей с обоими родителями. Вот где сказываются глубинные, имманентные противоречия развития современного японского общества, вот где нужны неординарные макросоциальные подходы и решения.

В Японии, пишет Уэда, получили развитие виктимологические исследования. Их результаты нашли весомое воплощение в принятии Закона о денежных выплатах жертвам преступлений (1980). Это в свою очередь явилось подтверждением важности виктимологии и стимулом для ее дальнейшего развития.

Обзор проводимых криминологических исследований в Японии становится еще более полным, когда Уэда останавливается на недостатках, имеющихся в этой области. Так, он отмечает, что недостаточно внимания уделяется взаимосвязи «алкоголя и преступности». Это связано с тем, пишет Уэда, что длительное время японское общество не видело в алкоголизме социального зла. Кроме того, автор подчеркивает также отставание исследований в сфере предупреждения преступности.

В книге говорится о соперничестве двух течений в методике криминологических исследований. Эта борьба, в ходе которой одно течение выдвигало на передний план биолого-психиатрические и психологические методы, а второе отдавало предпочтение социологическим методам, завершилась в пользу последнего. Наблюдалась некоторая активизация первого течения, которая была связана с исследованиями хромосомных нарушений. Однако она носила всего лишь временный характер. В стране с помощью социологических методов проводятся различные криминологические исследования. Обращают на себя внимание также работы, в ходе которых выясняется точка зрения различных слоев общества на преступление и преступника. Здесь большой интерес, по нашему мнению, представляет изучение взглядов лиц, участвующих в борьбе с преступностью в разном качестве и на разных этапах. К сожалению

нию, автор не говорит о том, учитывается ли какое-либо различие в оценке тех или иных деяний общественным мнением и законом. Было бы интересно получить больше информации о виктимологии, о которой пишет автор.

Основными методами криминологических исследований являются изучение реальной ситуации, когда объектом служит район, школа, общественная организация и т. п., анкетирование, анализ различных статистических данных. В некоторых случаях применяются экспериментальные методы. В последние годы были получены многочисленные результаты благодаря налаживанию системы исследований в этой области и внедрению ЭВМ для обработки полученных данных. Однако на фоне этого мало используется метод self herorg, применяемый для изучения состояния скрытой преступности.

Трудно согласиться с автором, когда он утверждает, что методика исследований преступности и изучения механизма контроля над ней намного сложнее и разнообразнее, чем методика разработки мер борьбы с преступностью. Может быть, здесь сказались научные пристрастия автора или его собственный исследовательский опыт. Что касается исследований преступности, то Уэда с беспокойством отмечает наметившееся сокращение непосредственных изучений, проводимых путем анкетирования, опросов и т. д.

В книге затрагивается и организационный аспект криминологических исследований в Японии. Бросается в глаза, что исследования осуществляют не только государственные научно-исследовательские учреждения (Комплексный юридический НИИ министерства юстиции и НИИ полиции Главного полицейского управления), но университеты и целый ряд научных обществ, в том числе таких, для которых криминология не является «профилирующей» отраслью. Издается немало криминологической литературы. Многочисленные материалы, посвященные проблемам преступности и борьбы с ней, публикуются в периодической печати. Безусловно положительным является то, что в решении задач, стоящих перед криминологией, участвуют специалисты многих областей науки. Этим обеспечивается очень важная интеграция знаний и опыта, создается добротная междисциплинарная база для криминологических исследований. В то же время автор озабочен тем, что государственные научно-исследовательские учреждения, пользуясь своим положением (приоритет в финансирова-